

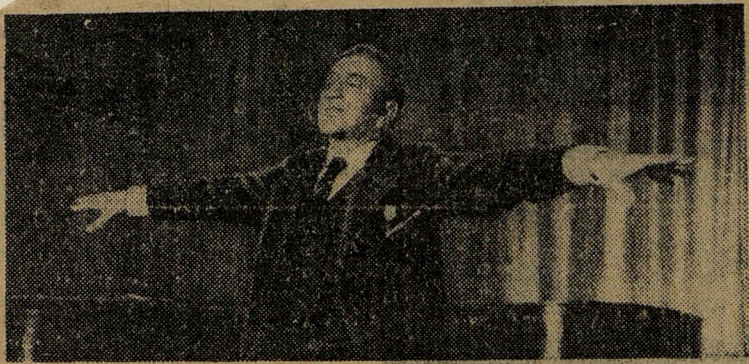

Фото М. ОЗЕРСКОГО. (АПН).

КОГДА Василий Иванович Качалов был уже всесветно знаменит и имя его называлось среди величайших актеров нашего века, когда он подходил уже к тому рубежу, за которым оставался возраст приобретений и наступал возраст возможных потерь, о нем вышла небольшая монография. Ее написал А. Кугель, давнишний противник Художественного театра, на склоне лет многое передумавший и переоцени-

вший. В этой удивительной книжке, нежной и пророческой, он говорил о Качалове как об актере, который естественно соединяет прошлое с будущим и весь устремлен в это будущее. Это не было красивой фразой — тут была мудрость побежденного, воздающего должное победителю.

Прекрасное искусство Качалова и в самом деле не знало увядания. Люди, впервые увидавшие артиста на закате его деятельности, когда

*К 90-летию со дня рождения
В. И. Качалова*

он воспринимался как живая легенда русского театра, поражались не только изумительным мастерством, волшебным тембром и богатейшими модуляциями его голоса. Куда больше поражали тот ясный и ровный свет, спокойная душевная гармония и могучая духовность, излучавшиеся всем его обликом, тот острый интеллектуализм, который пронизывал все его создания, будь то чеховский Гаев или «лицо от автора» в толстовском «Воскресении», горьковские Барон или Захар Бардин.

Как и все творчество, артистический путь Качалова был отмечен ясностью и гармонией. Подружившись со славой в ранней молодости, он не расставался с нею никогда. Накануне революционной бури Качалов был подлинным «властителем дум» той демократиче-

ской публики, которой прежде всего нес свое искусство Художественный театр. Образы мечтателей, неловких и непрактичных, с никогда не засыпающей совестью, отвергающие мерзость «проклятой действительности», мечущиеся в мучительных поисках выхода и пуще всего стремящиеся сохранить в себе Человека, сделали Качалова кумиром русской публики.

Революция дала этому чистому, но несколько расплывчатому гуманизму твердую опору. Искусство Качалова поворачивается к зрителям новыми гранями. Не заглушив в себе пытливого и проникновенного психолога, артист обнаружил способность и к героике, человеческой и непоказной (Вершинин в «Бронепоезде 14-69»), и к доходящему до памфлетной страстности осуждению старого мира.

Его Николай I — тончайшая психологическая сатира. Один почтенный историк рассказывал, что, глядя на качаловского Николая, он не

мог отделаться от мысли, что артист владеет какими-то не известными никому мемуарными документами, с такой исчерпывающей полнотой постиг он душу царя-жандарма, с его трескучим величием, фарисейской изворотливостью и заурядной трусостью.

Крупнейшим завоеванием реалистического искусства стало качаловское «лицо от автора». «В этой роли, — отмечала критика, — обрисовались вся полнота и многогранность его личности: сила его гнева, отточенность его сарказма, мягкое лукавство его юмора, глубина его любви, пламенность его мысли».

Качалов принадлежал к числу тех художников, чья жизнь и творчество в буквальном смысле нерасторжимы, чье творчество преграждается с последними ударами сердца. Он прожил жизнь, которой в особой мере пристало определение: «красивая жизнь».

А. ПАВЛОВ.

Соб. инв. д. 11 ф. 26. 1968